

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

В оформлении обложки использована иллюстрация
Елены Окольциной

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 Инспектор и бабочка / Виктория Платова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-04-107668-9

Инспектор Икер Субисаррета, осматривая убитого в отеле постояльца, неожиданно узнал его: им оказался его давний друг Альваро Репольес, бесследно пропавший два года назад. Под подозрение попал ночной портье Виктор Варади. Камеры наблюдения зафиксировали, как в ночь убийства портье зачем-то поднимался на гостевой этаж. Ситуацию осложнял явный абсурд: по лестнице Виктора конвоировали две кошки-ориенталы, невесть как туда попавшие. Расследование этого странного, абсолютно нелогичного убийства время от времени накрывала леденящая черная тень. Тень, идущая от светлого лучезарного ангела...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107668-9

© Платова В.Е., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава первая:

*отель «Пунта Монпас»,
23 июля, 20 ч. 45 мин.
по средневропейскому времени*

— ...Так кто все-таки обнаружил тело?

Кажется, этот вопрос он уже задавал. И даже получил вполне вразумительный ответ, вот только ответ в памяти не зафиксировался. Не то чтобы память Икэра Субисарреты была дырявой, как чулки уличной шляхи, — вовсе нет. С памятью у Икэра Субисарреты все обстояло блестяще, и она легко подпадала под определение «цепкая», «профессиональная» и даже «фотографическая» 360 дней в году.

Триста шестьдесят — за вычетом пяти, приходящихся отнюдь не на Рождество, собственный день рождения (Икэру не так давно исполнилось тридцать пять) или день рождения любимой девушки (у Икэра нет любимой девушки).

Любимой девушки нет, а пять дней есть. Пять июльских дней: они выстроились в цепочку и крепко держатся друг за друга, и если посмотреть на них непредвзято, они лучше любой любимой девушки. Лучше всех девушек, вместе взятых. А «непредвзятый взгляд» — это взгляд самого Икэра, и ничего более субъективного придумать невозможно.

Непредвзято-субъективный субисарретовский взгляд опирается в клавишные, духовые и ударные, а еще — в гу-

бы, способные извлекать звук из духовых. И в руки, способные извлекать звук из ударных и клавишных. Все вместе это называется:

«Джаззальдия».

Пять дней неистового джаза, которые ежегодно накрывают Сан-Себастьян во второй половине июля, Сан-Себастьян, а вместе с ним и Икера Субисаррету — джазового фаната и инспектора криминальной полиции по совместительству. Лет десять назад именно пятидневная jazz-интифада заставила Икера сменить Бильбао на Сан-Себастьян; именно она, а не расхожее мнение, что-де в курортном Сан-Себастьяне дела с преступлениями обстоят намного лучше, чем в Бильбао (их там почти не случается). И основное занятие ленивых сан-себастьянских полицейских — *пинать балду* в длинных, как пляж Сурриола, промежутках между расследованием краж носовых платков из номеров пятизвездочного отеля «Мария Кристина». Там обычно останавливаются залетные голливудские знаменитости, и именно им принадлежат носовые платки, украшенные монограммами.

WhG — Вупи Голдберг.

ShS — Шэрон Стоун.

Ch... — последняя буква не читается, она залита чем-то темным (соус? вино?), и это дает толчок воображению: то ли Чарли Шин, то ли вовсе Шарлиз Тэрон.

Полицейское управление Бильбао (предыдущее место работы Икера), несомненно, склонилось бы к Шарлиз. Да и сам Икер предпочел бы Шарлиз (краденый платок Шарлиз как повод познакомиться с кинодивой поближе), вот только никаких заявлений от звезды не поступало. Служба безопасности в «Марии Кристине» — выше всяких похвал.

А ночь, проведенная в «Марии Кристине», стоила бы Шарлиз, а заодно и Шэрон, а заодно и Вупи, две тысячи

евро как минимум. Сколько платков можно нашить на эти деньги?..

Даже будь они из тончайшего батиста с золотой каймой — все равно счет пойдет на сотни, так станет ли кто-то из рассеянных голливудских небожителей заморачиваться кражей одного-единственного? Вывод напрашивается сам собой: в полицейском управлении Бильбао сидят завистливые дураки, понятия не имеющие, что такое Сан-Себастьян.

И в Сан-Себастьяне случаются преступления. И убийства тоже случаются, так что *пинать балду* Икере Субисаррете до сих пор не удавалось. Но он и не жалуется — работа есть работа: работа убийц — убивать, работа Икера — ловить убийц, круговорот дерьма в природе не знает выходных. А теперь выпачканным в дерьме оказался и единственный праздник, милый сердцу Икера Субисарреты. Выпачканным — если, конечно, смотреть не со стороны духовых и клавишных (никакое дерьмо к ним не пристанет), а со стороны полицейского инспектора.

Стоящего сейчас посреди одноместного номера в отеле «Пунта Монпас».

«Пунта Монпас» далеко до «Марии Кристины», две звезды против фешенебельных пяти, но гостиница не так чтобы плоха — совсем напротив. Ее даже можно назвать милой, хотя и тесноватой на вкус Икера: крошечные номера, где стены душевой кабинки упираются в изголовье кровати; карликовые, с претензией на авторский дизайн, холлы; узкие и крутые, напоминающие корабельные трапы, лестницы. И окна под стать лестницам — такие же узкие, они висают где-то под потолком. Правда, крохи пейзажа, доставшиеся окнам, чудо как хороши! Бухта, часть пляжа и — изменчивое атлантическое небо над всем этим великолепием. Небо просматривается лучше всего, а двух тысяч евро, сэкономленных на ночи в «Марии Кристине», милашке Шарлиз хватило бы, чтобы не только снять всю «Пунта Монпас», но и устроить здесь пижамную вечерин-

ку с коктейлями и Melody Gardot в качестве приглашенной звезды.

Наличие пижамы — краеугольный камень дресс-кода.

Облаченная в пижаму Шарлиз выглядела бы ослепительно.

Облаченная в пижаму приджазованная Melody выглядела бы пикантно.

И лишь облаченный в пижаму труп совсем не греет сердце Икера Субисарреты. Во-первых, потому что он — труп. Во-вторых, потому что пижама на нем дурацкая: рождественские шары на красном фоне. В чертовы шары чего только не понапихано: птицы, окарикатуренные олени, мелкие зверюшки мультяшного вида. А учитывая, что надето она на взрослого, а не на ребенка... Это должен быть какой-то особенный взрослый, а попросту — сентиментальный, подзадержавшийся в детстве недоумок. Или «человек с осами в голове», как любил выражаться Альваро.

Но самое неприятное заключается в том, что этот пижамный труп с несостоявшейся вечеринки Шарлиз Тэрон напрочь испортил Икери сегодняшний вечер — третий по счету в пятидневном джаззальдийском марафоне. А этот вечер обещал инспектору не кого-нибудь, а самого Джорджа Бенсона!.. Нет-нет, вчерашние толстухи из «Чикаго-блюз» тоже были замечательными, и совсем юный мальчик-саксофонист (надо бы уточнить его имя, оно было указано в программке), но Бенсон... Послушать Бенсона живьем — разве не об этом мечтал Икер Субисаррета? Раньше он уже слышал живьем Би Би Кинга, и Майкла Фрэнкса, и еще с десятков знаменитых и великих джазменов. И Бенсон просто не имел права не пополнить этот — во всех отношениях выдающийся — список. Поутру, еще толком не проснувшись, Икер предвкушал великолепии сегодняшнего вечера, а перепетый Бенсоном хит «Marvin said» так и звучал в его ушах, — и вот, пожалуйста... Вместо Джорджа он вынужден лицезреть мужской труп в дурацкой пижаме.

Мужчина (подзадержавшийся в детстве недоумок) лежал на кровати ничком, лицом вниз, в луже крови, по цвету сильно напоминающей его же собственный прикид; кровь вытекла из зияющей на затылке раны. Такой огромной, что в нее без всякого усилия можно было бы затолкать рождественский шар — не из тех, что украшали пижаму, самый настоящий. Запекшаяся чернота пролома резко контрастировала со светлыми волосами покойного, и Икер тотчас переключился на рассуждения о том, чем мог быть нанесен удар.

Уж точно — не духовыми и не клавишными.

Мысль о каминной кочерге инспектор отбросил сразу же: слишком широк был пролом, да и в номере, где едва умещались кровать и душевая кабинка, ни о каком камине и речи быть не могло. В качестве орудия преступления могли бы выступить молоток, ледоруб, гантель или бейсбольная бита, но ничего подобного в номере не обнаружилось.

Зато обнаружился небольшой чемодан с лейблом «**Mandarina Duck**» (такие обычно берут в качестве ручной клади в салон самолета), щегольской кожаный портфель и пара костюмов, висящих во встроенном шкафу. От костюмов за километр веяло элегантною и респектабельностью, в них смело можно было бы обрядиться, выпрыгнув из постели красотишки Шарлиз, но отнюдь не из припадочной детской пижамы. Да и кожаный портфель больше соответствовал «Марии Кристине», чем «Пунта Монпас», но портфелем Икер займется позже.

Сначала — труп (интересно, что там поделявает Джордж Бенсон? И исполнил ли он уже свой незамерзающий хит «**Marvin said**?»).

— Так кто все-таки обнаружил тело?..

— Я уже говорил вам... — Менеджер отеля промокнул платком покрытый испариной лоб и зачем-то поправил и без того идеально сидящий на рубашке бейдж с надписью «**AINGERY, administrador**». — Горничная, Лаура.

— Пригласите ее сюда.

— Да-да, конечно. А я... вам больше не нужен?

Вид у Аингеру был неважнецкий — того и гляди в обморок хлопнется, оно и понятно: изголовье кровати и стенка душевой кабинки заляпаны кровью и мозговым веществом; стенам номера тоже досталось, и выглядят они так, будто кто-то облил их красной анилиновой краской из пульверизатора. Стошнить от всего этого малоаппетитного зрелища может кого угодно, даже выдавшего виды полицейского, что уж говорить о гостиничном персонале?..

Бедняга Аингеру, он с трудом подавляет в себе рвотные позывы, хотя и производит впечатление крепкого и здорового парня, отнюдь не слизняка. А инспектору Субисаррете еще предстоит разговор с женщиной, горничной по имени Лаура. Она, поди, и рта раскрыть не сможет от ужаса или — паче того — хлопнется в обморок. А падать здесь особенно не на кого, исходя из размеров одноместной клетушки.

Либо на самого Икера, либо на труп.

— Пока нет. — Инспектор ободряюще кивнул несчастному администратору «Пунта Монпас». — Но вы наверняка понадобитесь. Чуть позже. Так что я не прощаюсь.

— Я буду на ресепшене. — Аингеру судорожно сглотнул и снова поднес платок ко лбу. — А Лаура сейчас подойдет.

... Вопреки ожиданиям Субисарреты, ни в какой обморок горничная падать не собиралась. И довольно охотно раскрыла рот, чтобы почти не закрывать его на протяжении получаса. *Чрезвычайно обходительный молодой человек, и жаль, что с ним произошло такое несчастье, очень, очень жаль*, — с порога заявила Лаура, выпустив из глаз целый поток слез. Которые почему-то показались Икери крокодиловыми, поскольку существовали отдельно от маленьких, цепких и колючих глаз. Слишком маленьких для такого обширного лица. Для огромной картофелины, по недораз-

умению прилепленной в месте, где должен был находиться нос; для свернувшейся в кольцо холодной змеи, довольно удачно исполняющей роль рта.

Или речь идет о двух змеях поменьше, соединенных между собой головами и кончиками хвостов? О двух реликтовых червях, прорывших ход напрямиком из позднего мезозоя? — Икер еще не решил, на чем именно остановиться.

Червивые губы Лауры не слишком-то ему нравятся.

— Когда вы обнаружили тело?

— А сколько сейчас времени? — вопросом на вопрос отвечает горничная.

— Без трех девять.

— Ну так вот, еще восьми не было. Я сразу же сообщила о случившемся этому недотепе Аингеру. Сразу же. Я даже в комнату не входила...

— С порога поняли, в чем тут дело?

— И понимать особо не пришлось. Кровища по стенам, вся подушка ею залита, здесь и последний дурак смекнул бы, что к чему...

И дурак бы, да. А горничная — совсем не дура, про таких говорят: выйдет сухой из воды, что предполагает наличие немаленького жизненного опыта и особую хватку. Лаура — не басконка и даже не испанка, об этом можно судить по чудовищному акценту: слова, выползающие из змеиного гнезда, подогнаны неплотно, как доски в сколоченном наспех заборе. Разнокалиберные доски, разношерстные: тут и подгнившие древесные стволы, и занозистые, плохо обработанные плашки, и краденые верстовые столбы, и коринфские колонны... Сквозь огромные щели просматривается не слишком-то веселый, местами скудный пейзаж. Оставленный когда-то ради грязных простыней в «Пунта Монпас», ради несмытых окурков в унитазе и забившихся в раковину чужих волос.

Кто она, Лаура?

Румынка, боснийка, болгарка?..

— ...Целый день на дверях болталась табличка «Не беспокоить», — продолжает Лаура.

— А около восьми?

— Около восьми ее не стало. Вот я и открыла дверь... В номере нужно было прибраться, пока постояльца нет. Тут-то я увидела всю эту кровяницу... И сразу отправилась за Аингеру, ни секундоочки не медлила...

— Так прямо и ни секундоочки? Увиденное вас не потрясло?

— Я в своей жизни и не такое видала, уж поверьте. В той стране, откуда я приехала, кровь — что вода...

— Откуда же вы приехали?

— Косово. Слышали про такое?..

Когда-то там шла война, вот и все, что известно Икеру о Косово, и он вдруг чувствует легкий укол стыда за свое относительно благополучное существование. Это все Лаура, ее острые глаза: они скребут душу инспектора подобно наждачке. Вот чего хочет горничная: вызвать у Икера сочувствие, переключить его внимание с одного-единственного трупа на множество других; ими завалена незнакомая Субисаррете война. Еще секунда — и две змеи, отклеившись от лица Лауры, вползут Икеру в уши, нашептывая об ужасах косовской бойни.

И красная пижама по сравнению с этими ужасами — ничто.

Лаура вовсе не так проста, какой кажется на первый взгляд, какой пытается представить ее небрежно вытесанное лицо. Но и инспектора не проведешь, за двенадцать лет службы в криминальной полиции он многое перевидал. И такие вот дамочки — не исключение. Наивно пытаются разжалобить, чтобы...

Чтобы — что?

Еще пять минут назад она оплакивала печальный конец совершенно незнакомого ей мужчины, и это как будто бы говорит о ее впечатлительности и тонкой душевной орга-

низации. Но много переживший (в том числе и войну) человек не станет так затрачиваться на чужую, никак к нему не относящуюся смерть. Или внутри Лауры сидит кто-то еще? Кто-то очень ранимый, возможно, маленькая девочка, девушка, *довоенная Лаура*, с волосами не такими сальными, как у Лауры-горничной, и толстых седых нитей в них еще нет. Зато есть другие нити: именно по ним слезы карабаются к глазам и выбираются наружу. И что-либо поделать с ними твердокаменная Лаура-горничная не в состоянии.

— ... Значит, в номер вы не входили?

— Мой деверь работает в полиции, в Приштине. Так что я знаю, что к чему. Вдруг еще наслежу ненароком, а лишние следы вам не нужны, ведь так?

— Допустим, — вынужден согласиться Субисаррета. — И ничего подозрительного возле самого номера вы не заметили? Может быть, человека, выходящего из двери?

— Нет. Ничего такого не было. Да и не моя это работа — следить за дверями. Следить за людьми.

— Но кто-то же снял табличку?

— Думаете, убийца? — Для просто горничной Лаура проявляет завидную сообразительность. Или она многое почерпнула из полицейской практики своего приштинского деверя.

— Вряд ли в планы убийцы входило, чтобы труп обнаружили так скоро. Ведь если бы табличка продолжала висеть, никто бы в номер не вошел, не так ли?

— Так и есть.

— А когда вы в последний раз видели постояльца живым?

— Точно мне не вспомнить... Погодите... Вчера была не моя смена... Кажется, позавчера. Позавчера утром. Я как раз закончила прибираться в соседнем номере, а он выходил из своего. Тогда еще у меня упало полотенце, а он его поднял.

— Из этого вы сделали вывод, что он — обходительный юноша?

Глаза Лауры на секунду стекленеют: уж не сболтнула ли она лишнего? не слишком ли перегнула палку с эпитетами в адрес постороннего? В адрес клиента отеля, к которому обслуживающий персонал, как правило, равнодушен. Если речь не идет о щедрых чаевых.

— Разве я сказала — «юноша»? «Молодой человек» — вот как я сказала. Примерно вашего возраста.

— Мне тридцать пять.

— Все едино, для меня вы — молодые люди.

Лауре — далеко за сорок, и ее точка зрения вполне имеет право на существование, вот только Икер не желает иметь ничего общего с трупом в пижаме, хотя бы речь шла и о возрасте. Он предпочел бы, чтобы трупа не было вовсе или он материализовался совсем в другом месте, за которое Икер не несет никакой ответственности. В Бильбао, в Ируне, в соседнем напыщенном Биаррице, спел ли Бенсон свой бессмертный хит или нет?

В любом случае Икери Субисаррете не суждено его услышать.

И «Marvin said» волей-неволей придется заменить на «Laura said».

— А третьего дня, — говорит Лаура, — он попросил меня об услуге.

— Кто?

— Постоялец.

— И какого рода была эта услуга?..

— Ну... Не знаю, поможет это делу или нет... Мне нужно было отнести записку в один тапас-бар¹ на улице Урбьета.

— Разве это входит в обязанности горничной?

— Это была личная просьба.

¹ Та п а с, п и н ч о с (исп.) — закуски, маленькие бутерброды.

Меньше всего Лаура похожа на агента по особым поручениям. Да и молодые упругие ноги Аингеру справились бы с бутербродным заданием намного лучше. И намного, намного лучше было бы не доверять личных записок никому из посторонних, быть может, тогда душевая кабинка не оказалась бы заляпанной кровью, а инспектор Субисаррета слушал бы сейчас Джорджа Бенсона, а не подпирал бы стены одноместной клетушки в «Пунта Монпас».

Лаура совсем не так проста, как кажется, совсем.

Ее цепкие наждачные глаза еще и умны; в период «Джаззальдии» и без того буйное воображение Икера расцветает пышным цветом, — вот и теперь... Теперь ему кажется, что недюжинный ум горничной сродни пухлому телу, части которого то и дело вываливаются из трещащего по швам платья глаз. Ей самой хотелось бы совсем обратного — прикинуться простушкой, но швы не выдерживают напора, трещат и трещат...

Сам Икер не доверил бы ушлой горничной даже стельки в его ботинки затолкать, но покойник, видимо, был о ней совсем другого мнения. И когда только он успел его составить?..

— Сколько вы уже работаете здесь, Лаура?

— Два года. А до этого работала в «Арризуле» и «Леку Эдер», а до этого — в нескольких отелях в Бильбао и отовсюду уходила с прекрасными рекомендациями... Прекрасными!

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Правда, и таких конфузов со мной прежде не случилось...

— Что вы имеете в виду?

Лаура кивает массивным подбородком в сторону распростертого на постели трупа и тяжело вздыхает.

— Ну, думаю, это вряд ли отразится на вашей репутации... Разве что на репутации отеля. Кстати, об отеле... Этот человек никогда не останавливался здесь прежде?